

запрещеніе généralissime ѣхать въ Вѣну; я же писалъ ему, чтобы онъ берегъ себя ради Христа, для насъ и для меня. Боярышень и боярченковъ заочно разцаловать тѣхъ.

Вашу ручку, дорогая моя и милѣйшая барыня, и до свиданія, а если узнаю гдѣ вы, еще отпишу.

*Мусоргинъ.*

## II.

### Письма А. П. Бородина.

#### I. Къ Л. И. Кармалиной.

С.-Петербургъ 15 Апрѣля 1875 года.

Любовь Ивановна, передо мной два письма. Одно изъ нихъ—ваше ко мнѣ. Другое—мое къ вамъ. Первое давно написано, послано и получено. Второе только сейчасъ начато; будетъ послано—если будетъ окончено; будетъ получено—если дойдетъ по назначенію. Первое помѣчено:—6-го Апрѣля. Второе 15 Апрѣля. Въ первомъ, послѣ слова «Апрѣля», значится: «1874 года». Во второмъ:—1875 года. Первое по содержанію—милое, простое, хорошее, привѣтливое. Тамъ на первой страницѣ написано: «я не хочу, чтобы вы меня забыли»; на послѣдней страницѣ: «если вы лѣнивы или вамъ некогда, то не отвѣчайте. Мое письмо доказательство, что я васъ хорошо помню». Второе письмо еще не написано, слѣдовательно содержаніе его пока неизвѣстно. Одно могу сказать: если Бюффонъ правъ, что «le style c'est l'homme», то стиль моего письма долженъ быть очень нелѣпый, такой же нелѣпый, какъ и самый человѣкъ, которому принадлежитъ стиль.

Ну развѣ не нелѣпо писать въ Апрѣлѣ 1875 г. отвѣтъ на письмо, полученное въ Апрѣлѣ 1874 г., и притомъ человѣку, которому искренно симпатизируешь? Допускаю на время, что Бюффонъ правъ и что стиль—человѣкъ. Ставлю себя въ положеніе этого человѣка (предполагая, что это мой стиль), какъ ему бѣдному должно быть неловко передъ вами, передъ собой, передо мною. Такъ и вижу, какъ ему хочется спрятаться отъ насъ, забиться въ какую нибудь мышину норку, чтобы не встрѣчаться съ нами. Если у него, какъ у

человѣка, есть лицо и руки, то онъ непременно закроетъ первое послѣдними, чтобы не видали, какъ онъ краснѣетъ, всякій разъ, когда я напоминаю ему о васъ. Если у него есть уши, то онъ непременно затыкаетъ ихъ ватою, чтобы не слышать моихъ ядовитыхъ упрековъ и насмѣшекъ, по поводу его лѣни и распушенности. Если мой стиль не только человѣкъ, но еще дворянинъ, то онъ непременно стыдится своего герба, ибо ему кажется, что девизъ этого герба гласитъ: «не дѣлай никогда сегодня того, что можешь отложить до завтра»—мудрое правило, котораго держится упомянутый дворянинъ, и котораго держались всѣ его доблестные предки. Бѣдный стиль! Бѣдный человѣкъ! Какъ скверно онъ долженъ чувствовать себя, во время нашей бесѣды съ нимъ. А между прочимъ онъ очень хорошій человѣкъ, очень добродушный, незлобивый, на меня никогда не сердится, не обижается моими, иногда очень рѣзкими, укорами, живетъ со мною въ ладу и очень любитъ меня, также какъ и я его. Еще хорошая черта въ немъ та, что онъ человѣкъ очень доверчивый и всегда склоненъ вѣрить, что его слова будутъ приняты такъ же просто, какъ онъ ихъ говоритъ; не будутъ комментироваться невыгоднымъ для него образомъ и не подадутъ повода къ ложнымъ толкованіямъ.

Въ этомъ и впрочемъ схожусь съ нимъ совершенно. Наконецъ, сверхъ того, онъ помнитъ евангелическое изрѣченіе: «благенъ человѣкъ иже и скоты милуетъ». Отсюда—совершенно впрочемъ произвольно,—онъ заключаетъ, что если слѣдуетъ миловать безсловесныхъ скотовъ, которые никогда не бываютъ ни въ чемъ виноваты, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ миловать одаренныхъ словомъ:—человѣка и стиль его, которые всегда въ чемъ нибудь и передъ кѣмъ нибудь да виноваты, а потому всегда пуждаются въ помилваніи. Отсюда—пропаганда всепрощенія и желанія широкаго примѣненія идеи всепрощенія, полного, безотносительнаго, безусловнаго. Во имя этой идеи-то я и рѣшаюсь просить великодушнаго прощенія пишущему эти строки, хотя онъ, можетъ быть, этого и не заслуживаетъ. Чувствую и сознаю, что молчаніе мое было безсовѣстно-долгое, невозможное въ обиходѣ всякаго